

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И НЕЗАВЕРШЕННАЯ ПРОЗА ПУШКИНА 1828—1830 ГОДОВ

(характеры и ситуации)

Работа Пушкина над последними главами «Евгения Онегина» сопровождалась интенсивным обращением его к ряду замыслов прозаических произведений, частично восходивших к тому же кругу проблем, которые разрешались им в «романе в стихах». Изучение связи между ними позволяет проследить существенные для понимания творческой эволюции Пушкина на рубеже 1830-х годов процессы взаимодействия его поэзии и прозы. Соотнесенность художественных исканий, свойственных прозе и поэзии Пушкина, создавала возможность пересечения и взаимопроникновения реализуемых в обеих этих формах замыслов.

Соотношение «Евгения Онегина» и незавершенной прозы рубежа 1830-х годов чрезвычайно многообразно и может быть рассмотрено в различных аспектах. В этой своей статье я ограничиваюсь наблюдениями над типологической общностью персонажей «Евгения Онегина» и основных незавершенных произведений Пушкина в прозе 1828—1830 годов, герои которых варьируют образы Онегина и Татьяны, а также над сходством ряда сюжетных ситуаций названных произведений. Это позволяет проследить пути перенесения художественного опыта «Евгения Онегина» в пушкинскую прозу и одновременно обратное воздействие последней на завершающий этап работы Пушкина над его «романом в стихах».

А. З. Лежнев обратил внимание на «многократное пересмысливание» некоторых образов у Пушкина, объединяющихся в своеобразные «гнезда»; он прослеживает, в частности, модификации типов Онегина и Татьяны, неоднократно варьируемых в пушкинской прозе. Указывает он и на то, что сниженные варианты этих образов можно встретить в незавершенной прозе Пушкина конца 20-х — начала 30-х годов¹. Это определение «гнездности» пушкинских типов и вытекающие

¹ См.: А. З. Лежнев. Проза Пушкина. Опыт стилистического исследования. Изд. 2-е. М., «Художественная литература», 1966, с. 164—168, 207—215.

из него выводы Лезнева весьма плодотворны, хотя суждения исследователя, как и другие подобные наблюдения, встречающиеся в литературе, носят общий характер и не связаны прямо с установлением совокупности путей взаимопроникновения замыслов «Евгения Онегина» и задуманных одновременно с его последними главами прозаических произведений. Поэтому, отправляясь от того, что сделано другими исследователями, необходимо заново осмыслить все эти факты таким образом, чтобы они помогли понять характер этого соотношения и ту роль, которую взаимно играли все эти произведения по отношению друг к другу.

Прозаические отрывки «Гости съезжались на дачу...» (1828—1830), «Роман в письмах» (1829) и «На углу маленькой площади...» (1829—1830), хронологически близкие друг к другу, образуют некое единство, связанное общностью тем и в значительной мере персонажей, отчасти повторяющих найденные в «Евгении Онегине» художественные типы. Это позволяет рассматривать их вместе как произведения, входящие в своего рода периферию «Евгения Онегина» и составляющие своеобразную аналогию ему.

В «Романе в письмах» сама сфера изображения — столичный «свет» и провинциальное поместное дворянство — совпадает с тем кругом жизненных явлений, которые нашли свое отражение и в «Евгении Онегине». Соответственно с этим и часть героев «Романа в письмах» соотнесена с центральными персонажами «романа в стихах». Подобно «Евгению Онегину», и здесь представлен ограниченный круг активно действующих персонажей, взаимоотношения которых определяют развитие сюжета (Лиза и Владимир **, корреспондентка Лизы Саша и деревенская кузина Владимира Машинька ***), остальные упоминаемые лица — лишь фон, на котором воспроизводятся взаимоотношения основных действующих лиц «Романа в письмах». Воссоздаваемая в нем среда также во многом аналогична «онегинской»: характеристики петербургского «света» и общества уездных дворян, как и сама обстановка действия, в обоих произведениях легко могут быть сопоставлены между собой.

Сюжетная схема «Романа в письмах» в целом, естественно, не повторяет ситуации «Евгения Онегина», хотя и здесь в центре оказываются сопоставимые взаимоотношения двух героев, встречающихся в деревне, правда, не впервые, но уже после того, как их роман завязался в Петербурге. Не явля-

² См.: В. Брюсов. Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения. М.—Л., ГИЗ, 1929, с. 100.

³ Все цитаты из Пушкина даются по изданию: Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI и Справочный том, АН СССР, 1937—1949, 1959 с указанием в скобках римскими цифрами тома и арабскими — страницы.

⁴ См.: В. Брюсов. Указ. соч., с. 101.

ются простым сколком героев «Евгения Онегина» и персонажи «Романа в письмах», особенно Владимир, хотя принадлежность его «онегинскому» типу очевидна. Сложнее обстоит дело с Лизой, многими чертами своего внутреннего мира напоминающей Татьяну²; внешняя же характеристика Татьяны во многом повторяется в описании Машиньки («стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе»; VIII, 47, ср. с. 56³), представляющей, однако, также видоизмененный, по сравнению с Татьяной, образ «уездной барышни»⁴.

Связь женских персонажей «Романа в письмах» с Татьяной — самое существенное из того, что сближает оба произведения. «Роман в письмах» писался тогда, когда Пушкин начинал работать над последней главой «Евгения Онегина», где появляется новая Татьяна — светская женщина, в которой внешне едва угадываются черты «прежней Тани, бедной Тани».

Давая в своем прозаическом произведении новую модификацию типа Татьяны, Пушкин развивает его именно в этом направлении: героиня «Романа в письмах» уже не «уездная барышня», чертами которой наделяется другой персонаж — Машинька; это — светская девушка, не чуждая «суете мира», постоянная участница светских развлечений, но в то же время чувствующая свою отчужденность от окружающего общества. Будучи воспитанницей в богатом доме, она ощущает двусмысленность своего положения в «свете». Принадлежит к тому же, к старинному, но обедневшему дворянскому роду, она чувствует себя чужой среди «новой знати», чем и мотивирует свой отказ от любви Владимира, «внука бородатого миллионщика» (см. VIII, 49). Новые мотивировки, введенные Пушкиным, существенно видоизменяют, конечно, тип Татьяны, но сама тема отчуждения героини от окружающего светского общества, как и характеристики последнего, предваряют коллизию восьмой главы «Евгения Онегина».

С другой стороны, раскрытие основной ситуации «Романа в письмах» — любви Лизы и Владимира — в значительной мере связано с предшествующим опытом «Евгения Онегина». При всем их сюжетном несходстве письмо Татьяны и шестое письмо «Романа в письмах» функционально сближаются, служа раскрытию внутреннего мира — во многом аналогичного — обеих героинь. Если первые три письма Лизы не вполне искренни, то это, напротив, представляет собой ее «полную исповедь». По своему тону, по эмоциональной напряженности, это письмо-pendant к письму Татьяны.

«Милая! мне невозможно долее притворяться, мне нужны помощь и советы дружбы. Тот, от которого убежала, кого боюсь я как несчастья**, здесь. Что мне делать? голова моя кружится, я теряюсь, ради бога реши, что мне делать. <...>

Что мне делать, милая, здесь не будет мне возможности избегнуть его преследований. <...> Он добьется моей любви, моего признания, — потом размыслит о невыгодах женитьбы, уедет под каким-нибудь предлогом, оставит меня, — а я... Какая ужасная будущность! Ради бога, дай мне руку, я то-ну» (VIII, 50—51).

Признание беззащитности перед лицом любви, невозможность скрыть свое чувство, готовность к признанию в нем самому возлюбленному (поведение которого мыслится подобным онегинскому: «размыслит о невыгодах женитьбы») — все это, конечно, возрождает в иной сюжетной ситуации настроения, которыми вызвано письмо Татьяны. Именно характером своего чувства Лиза более всего приближается к Татьяне; не случайно, рассуждая о романе Ричардсона «Кларисса Гарлоу», она говорит о роли «чувства и природы» в поведении женщины (см. VIII, 47—48); это наглядно раскрывается в ее собственной судьбе.

Как Татьяна, Лиза «любит без искусства, ||Послушная влечению чувства» (VI, 62); Владимир отмечает ее видимое отличие от женщин, которых он наблюдал в петербургском «свете» (их воплощением в «Романе в письмах» служит подруга и корреспондентка Лизы Саша). Эта характеристика предваряет оценку Татьяны в восьмой главе «Евгения Онегина». «В ней много увлекательного. Эта тихая благородная стройность в обращении, прелесть высш. <его> петербургского общества, а между тем — что-то живое, снисходительное <...> Она слушает и понимает — редкое достоинство в наших женщинах» (VIII, 55). Ср.: «Она казалась верный снимок || *Du comme il faut...*» и т. д. (VI, 171).

Очевидная близость к «Евгению Онегину» в решении образа Лизы в «Романе в письмах» очень знаменательна: она обнаруживает несомненную связь его замысла с теми художественными решениями, которые способствовали раскрытию аналогичных образов и тем в «романе в стихах», и именно поэтому оказалось возможным и последующее соотношение образов Лизы и Татьяны восьмой главы романа.

Другой же женский персонаж, генетически восходящий к типу Татьяны, связан уже исключительно с тем ее обликом, который представал в предшествовавших «Роману в письмах» главах «Евгения Онегина». Связь Машиньки*** с Татьяной осложнена тем, что здесь мы имеем явное снижение этого типа: «уездная барышня», хотя и сохраняет некоторые черты Татьяны, лишается в «Романе в письмах» той духовности, которая отличала героиню «Евгения Онегина». Однако образ Машиньки интересен потому, что в этом, генетически восходящем к «Евгению Онегину», но сниженном варианте тип «уездной барышни» утвердился в пушкинской прозе: некоторые детали ее характеристики будут использованы в «Повестях

Белкина». Впрочем, этот сниженный вариант типа «уездной барышни» оказывается наделенным авторским сочувствием, в условиях эпистолярного романа выраженным самым неожиданным образом: имя Пушкина упоминает Лиза, говоря о пристрастии Машиньки к русской литературе: «Теперь я понимаю, за что В* <яземский> и П* <ушкин> так любят уездных барышень. Они их истинная публика» (VIII, 50); упоминание это, естественно, также возвращает нас к «Евгению Онегину».

В «Романе в письмах», наряду с типологической общностью его женских образов с персонажами «Евгения Онегина», намечается и сближение его героя, Владимира, с выведенным в лице Онегина типом «светского человека». Эта задача, однако, еще ранее, и более глубоко, была поставлена Пушкиным в первом наброске «светской повести» — «Гости съезжались на дачу...». Мысль Лизы: «** человек светский; я могла ему понравиться, но он для меня не пожертвует богатой невестой и выгодным родством» (VIII, 49) — органически вытекает из предшествовавшего замысла повести, планы которой непосредственно включали в себя ситуацию, которую здесь — в качестве предположения — называет Лиза. Однако это преимущественно внешнее сходство: центральный женский персонаж, играющий в этом замысле главную роль, мало чем напоминает Лизу, что, естественно, меняет и характер самой ситуации. «Роман в письмах», представляя собой ответвление от замысла «светской повести», возникшего в 1828 году, оказался совершенно новой его модификацией, более близкой к «Евгению Онегину», из которого так или иначе вытекают замыслы прозаических произведений конца 1820-х годов.

Оба отрывка «светской повести» — и «Гости съезжались на дачу...», и «На углу маленькой площади...» — примыкают к последним главам «Евгения Онегина», давая, правда, резко отличные от них решения конфликта. Замысел «светской повести» возникает во время работы Пушкина над седьмой главой романа; этапы его реализации, с которыми последовательно связаны названные отрывки, совпали с работой и над его заключительной, восьмой главой. План, соответствующий содержанию второго отрывка («На углу маленькой площади...»), появляется приблизительно одновременно с началом работы над последней главой «Евгения Онегина»⁵, а его осуществление сопутствует работе над ней. Эта параллельность замыслов, совпадение работы над ними, существенная близость образов и тем — все это, как и в случае с «Романом

⁵ План этот и начальные варианты строфы I восьмой главы «Евгения Онегина» находятся в непосредственной близости в рабочей тетради 1829—1836 гг. (так называемой «арзрумской»). См.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 841 (прежний шифр ЛБ 2382), лл. 23 об. (план повести) и 24 об. (I строфа восьмой главы романа в стихах).

в письмах», говорит о настойчивом стремлении Пушкина выйти за пределы стихотворного повествования, попытаться разрешить аналогичные художественные проблемы также и средствами повествования прозаического. -

В последних главах «Евгения Онегина» тема «света» и Онегина как «модного героя», несколько отодвинутая в «деревенских» главах романа, вновь выступает на первый план. Перелом намечается уже в шестой главе, в которой, воспроизводя внутренние стимулы поведения Онегина, исходящего из морали «светского человека», Пушкин возвращается к тем категориям, которые определяли характеристику героя в начальных главах романа. Не случайно поэту, что, обращаясь к следующей, седьмой главе «Евгения Онегина», он начинает работу над ней со строф, описывающих появление Татьяны в Москве и ее первое столкновение с московским «светом». Более того, возможно, что и завершавшие вначале шестую главу строфы XLVI—XLVII, сохраненные в примечаниях к роману, были написаны одновременно. Отсутствие рукописей шестой главы не позволяет говорить об этом утвердительно, однако известно, что строфы XLIII—XLIV, датированные 10 августа 1827 года, создаются именно в тот момент, когда Пушкин приступил к работе над седьмой главой, заключительные же строфы главы седьмой непосредственно примыкают к предшествующим, продолжая начатую мысль. Если это так, то перед нами целый комплекс одновременно появляющихся строф «Евгения Онегина», тематически объединенных характеристикой «света», в соотношение с которым вступают и «автор», и центральные герои романа. Поэтому при возвращении к Онегину в седьмой главе в мотировке его характера снова начинает доминировать его обусловленность взаимоотношениями в высшем обществе, порождающими тот тип «современного человека», к которому он принадлежит. Центральное место в этой характеристике должен был поначалу занимать «Альбом Онегина», хронологически возвращающий героя к исходной, первой главе романа: «...искренний журнал, ||В который душу изливал|| Онег<ин> в дни свои младые...» (VI, 614).

В пушкинской литературе «Альбому Онегина» не уделялось достаточно внимания; вместе с тем он, несомненно, занимает очень значительное место в первоначальной концепции седьмой главы романа. Он должен был играть важную роль в объяснении характера героя как «современного человека». Показательна, например, запись 4, являющаяся, конечно, результатом самонаблюдения Онегина:

Цветок полей, листок дубрав
В ручье Кавказском каменеет.
В волненьи жизни так мертвеет
И ветренный и нежный нрав (VI, 615)

Перекликаются с нею слова героини Р. С., проводимые в записи б: «...вы совсем не так опасны ||И знали ль вы до сей поры|| Что просто — очень вы добры?» (VI, 615; Ю. М. Лотман обратил внимание на колебания Пушкина в разработке этого места «Альбома»: в вариантах доброта героя рассматривается «как природное, но утраченное качество»⁶. См.: «а. Что были добры? б. Что просто были вы добры; в. Что очень были вы добры; г. Что были добры»; VI, 435).

Записи альбома характеризуют Онегина как мыслящего человека, в этом именно отношении неприемлемого для «света» (запись <1>); его саркастические замечания (записи 3, 7, 8, 11) обнаруживают в нем качества, которые и явились источником светского злословия. Взаимоотношения его с Р. С., оказавшейся способной разгадать скрытую за ними доброту Онегина, отчасти предваряют ситуацию восьмой главы «Евгения Онегина», хотя в отличие от нее они и не выходят за пределы обычного светского флирта, да и сам предмет увлечения Онегина, за исключением чисто внешних деталей («Какая вольность в обхожденьи ||В улыбке, в томном глаз движеньи|| Какая нега и душа!» VI, 615), ничем не напоминает Татьяну последней главы романа.

[Вчера у В —] оставя пир
Р. С. летела как Зефир
Не внемля жалобам и пеням
А мы по лаковым ступеням
Летели шумною толпой
За Одалийской молодой
Последний звук последней речи
Я от нее поймать успел
Я черным соболем одел
Ее блистающие плечи
На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинул
Я пред Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинул (VI, 616—617)⁷.

Не доведенная до конца работа над «Альбомом Онегина» оказала, однако, существенное воздействие на периферийный по отношению к «Евгению Онегину» замысел «светской повести». Герой отрывка «Гости съезжались на дачу...» Минский заключает в себе наиболее характерные черты онегинского типа как носителя скептического сознания; его взаимоотношения со «светом», напоминая судьбу Онегина, предопределяют типологическую общность их образов. Исходная характеристика Минского, подкрепляющая впечатление от его непо-

⁶ См.: Ю. М. Лотман. К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.—Л., изд-во АН СССР, 1960, с. 156.

⁷ Ср. в восьмой главе: «Он счастлив, если ей накинет, || Боа пушистый на плечо, || Или коснется горячо || Ее руки, или раздвинет || Пред нею пестрый полк ливрей, || Или платок подымет ей» (VI, 179).

средственного изображения в начале отрывка, подчеркивает прежде всего его разлад со «светом», определяющий характер и его поведения и его мнений: «В первой молодости Минский порочным своим поведением заслужил<...> порицание света, который наказал его клеветою. Минский оставил его, притворяясь равнодушным. Страсти на время заглушили в его сердце угрызения самолюбия; но усмирённый опытами, явился он вновь на сцену общества и принес ему — уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Он не любил света, но не презирал, ибо знал необходимость его одобрения» (VIII, 39—40).

Судьба Минского реализует, таким образом, ситуацию, намеченную в суждении Онегина в его альбоме. Ранняя редакция этого афоризма более отчетливо связывала высказанную в нем мысль с судьбой самого Онегина; в частности, варианты третьего стиха («б. В потоке света пылкий нрав в. В потоке света легкий нрав г. Не так ли мой легкий нрав»; (VI, 433) прямо связывают высказанное суждение с автором «Альбома».

Как и Онегин, Минский становится жертвой клеветы (ср. «Меня не любят и клеветуют...» (VI, 614); это столкновение со «светом» заставляет его отказаться от «пылкости неосторожной своей юности»⁸; он возвращается в «свет» изменившимся (сюжетно это предвосхищает коллизию восьмой главы «Евгения Онегина»); примирившись внешне с светскими установлениями, он замыкается в своем эгоизме, отводя душу в «сатирических» разговорах. И именно в это время встречается он Зинаиду Вольскую, привлекающую его внимание своей непримиримостью к «свету». Так реализуется намеченное планом «светской повести» столкновение героя, «светского человека», с «модной дамой», в ином решении составившее сюжет также и восьмой главы «Евгения Онегина». Однако и в этом отношении ситуация отрывка «Гости съезжались на дачу...» вытекает отчасти из «Альбома Онегина», воссоздававшего взаимоотношения героя со светской красавицей Р. С., изображение которых повлияло затем и на развитие сюжета восьмой главы романа.

Как затем и Зинаида Вольская, Р. С. — замужняя женщина, окруженная толпой поклонников, из которых она, по-видимому, выделяет Онегина, разглядев за внешностью светского эгоиста и насмешника (черты, которые характеризуют также и Минского) несвойственную ему, казалось бы, доброту. В отрывке «Гости съезжались на дачу...» сближение Вольской и Минского мотивируется общностью их характеров и судьбы. В характере же Зинаиды, явившемся источником ее дальнейшего разлада со «светом», выделяются прежде

⁸ Ср. в записи I «Альбома Онегина»: «...пылких душ неосторожность || Самолюбивую ничтожность || Иль оскорбляет иль смешит...» (VI, 614).

всего «искренность», «детское легкомыслие», с годами, в глазах светского общества, превратившиеся из достоинства в недостаток. «Нашли, что Вольская не имеет никакого чувства приличия, свойственного ее полу. Женщины стали от нее удаляться, а мужчины приблизились. Зинаида подумала, что она не в проигрыше, и утешилась.

Молва стала приписывать ей любовников. Злословие даже без доказательств оставляет почти вечные следы. В светском уложении правдоподобие равняется правде, а быть предметом клеветы — унижает нас в собственном мнении. Вольская, в слезах негодования, решилась возмутиться противу власти несправедливого света» (VIII, 39).

Конфликт Зинаиды со «светом» — центральный объект изображения в отрывке «Гости съезжались на дачу...»; в этом видели основания для сближения ее с Татьяной восьмой главы романа, хотя ни психологически, ни сюжетно они не повторяют друг друга. Скорее можно говорить о другом — о стремлении Пушкина создать образ женщины, противоположный тому типу, который нашел свое воплощение в Татьяне⁹, и не исключено, что, создавая затем последнюю главу «Евгения Онегина», он имел в виду это противопоставление, введя контрастный по отношению к Татьяне образ светской женщины. Утверждение превосходства Татьяны над ней в известной мере намечает ту коллизию, которая поставит ее перед моральным выбором, подчеркивающим ее отчужденность от «света», случайность ее положения в нем.

Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы;
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной краскою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была (VI, 172).

Нина Воронская — образ, восходящий, по-видимому, к одному с Зинаидой Вольской прототипу (А. Ф. Закревская)¹⁰.

⁹ См.: В. Брюсов. Указ. соч., с. 98; А. В. Чичерин. Возникновение романа-эпопеи. М., «Советский писатель», 1958, с. 82. Ср.: Неизданные заметки Анны Ахматовой о Пушкине. Публикация, вступительная статья и примечания Э. Герштейн. — «Вопросы литературы», 1970, № 1, с. 199.

¹⁰ Автобиографическая основа отрывка «Гости съезжались на дачу...» и прототип образа Зинаиды Вольской давно установлены исследователями. См.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., ГИХЛ, 1931, с. 241. В. В. Вересаев связывал с этим же прототипом и Нину Воронскую в «Евгении Онегине». См. в его кн.: В двух планах. Статьи о Пушкине. М., «Недра», 1929, с. 97—102. Иную точку зрения высказала М. С. Боровкова-Майкова, связавшая этот образ с Е. М. Завадовской. См.: «Звенья», III—IV. М.—Л., «Academia», 1934, с. 172—175 (там же, с. 175—179 см. возражения В. В. Вересаева). Дело, однако, не в достоверности того или иного решения вопроса о прототипах, но в реально устанавливаемой общности обоих образов — Зинаиды Вольской и Нины Ворон-

В черновиках «Евгения Онегина» мы находим набросок строфы, воссоздающей появление Нины на балу; это описание во многом совпадает с аналогичной сценой прозаического отрывка. Ср.:

«В сие время двери в залу отворились, и Вольская взшла. Она была в первом цвете молодости. Правильные черты, большие, черные глаза, живость движений, самая странность наряда, все поневоле привлекало внимание. <...> Вольская ничего не замечала; отвечая криво на общие вопросы, она рассеянно глядела во все стороны...» (VIII, 37—38).

[Смотрите] в залу Нина
входит,
Остановилась у дверей
И взгляд рассеянный
обводит —
Кругом внимательных
гостей —
В волненьи перси —
плечи блещут,
Горит в алмазах голова
Вкруг стана [вьются]
и трепещат
Прозрачной сетью кружева...
(VI, 515)

Совершенно по-иному рисуется появление на балу Татьяны в строфах XVIII—XIX, составляющих композиционное единство со следующей, включающей сопоставление ее с Ниной Воронской:

Она была нетороплива
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех... и т. д. (VI, 171)

Татьяна в восьмой главе «Евгения Онегина» и Зинаида Вольская в отрывке «Гости съезжались на дачу...» вообще поставлены в ситуацию, во многом взаимоисключающую: их положение в «свете» противоположно так же, как противоположны их поведение и моральный выбор, который они делают. И вместе с тем перед нами женщины, одинаково не способные вполне принять окружающее их светское общество, его психологию и мораль. В отрывке «Гости съезжались на дачу...» Пушкин как бы примерял ситуацию, которая потом будет положена в основу восьмой главы «Евгения Онегина», к другому, отличному от Татьяны женскому персонажу, даже противоположному ей, но так же, как она, не сумевшему слиться вполне со «светом». Основные контуры этого персонажа сохранены и в тексте последней главы романа (Нина Воронская), обнаруживая таким образом связь между восьмой главой «Евгения Онегина» и незавершенной прозой конца 20-х — начала 30-х годов.

ской; определение последней как «Клеопатры Невы» вполне согласуется с той характеристикой, которую получает Зинаида Вольская, а также восходит к описанию Р. С. в «Альбоме Онегина» («одалиска молодая», «Венера Невы»).

Интересно в этом отношении и дальнейшее развитие образа Зинаиды Вольской по контрасту к Минскому, не готовому, в отличие от нее, на глубокое чувство («Вероятно, если б он мог вообразить бури, его ожидающие, то отказался б от своего торжества, ибо светский человек легко жертвует своими наслаждениями и даже тщеславием лени и благоприличию»; (VIII, 40). По отношению к Зинаиде он ведет себя как «светский человек», предпочитая, как об этом свидетельствуют планы (см. VIII, 554), выгодную женитьбу обременительной связи. Поведение Минского по существу реализует ситуацию, которая — как наиболее вероятное для нее, но не вполне справедливое объяснение поступков Онегина — возникает в сознании Татьяны в восьмой главе «Евгения Онегина»:

... Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна...

<

... >
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен,
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь? (VI, 187)

Развивая намеченную в планах, связанных с отрывком «Гости съезжались на дачу...», ситуацию, Пушкин в другом отрывке «светской повести» («На углу маленькой площади...») изображает его героя Валериана Володского, в еще большей степени, чем Минский, снижающего онегинский тип, в момент, когда он уже тяготится той жертвой, на которую ради их любви пошла его возлюбленная Зинаида **. Его реакция на ее поступок прямо вытекает из гипотетически охарактеризованного отношения Минского к любви Вольской в случае, «если б он мог вообразить бури, его ожидающие». Ситуация же, в которую поставлена героиня этого отрывка, отраженно связана с восьмой главой «Евгения Онегина». Можно даже говорить о том, что в отрывке «На углу маленькой площади...» Пушкин в порядке художественного эксперимента поставил его героиню в ситуацию, в которой могла оказаться Татьяна, если бы она согласилась на связь с Онегиным. С другой же стороны, в мотивировку поведения Татьяны в восьмой главе «Евгения Онегина» включается — как одна из тайных пружин его — опасение светского мнения, столь роковым образом предопределившего судьбу героини незавершенной прозы Пушкина:

Где, где смятенье, состраданье?
Где пятна слез? ... Их нет, их нет!
На сем лице лишь гнева след ...
Да, может быть, боязни тайной,

Чтоб муж иль свет не угадал
Проказы, слабости случайной...
Всего, что мой Онегин знал... (VI, 182)

Возможно даже, что, определяя характер поведения Татьяны в ее новом столкновении с Онегиным в восьмой главе романа, писавшейся в 1829—1830 годах, Пушкин так или иначе исходил — по противоположности — из сюжетной ситуации задуманной им «светской повести».

Таким образом, взаимопроникновение и взаимное воздействие замыслов незавершенных прозаических произведений Пушкина 1828—1830 годов и последних глав «Евгения Онегина» носят систематический характер и проявляются весьма многообразно. Их изучение позволяет проследить сложную картину творческого процесса Пушкина, в котором работа над различными произведениями взаимно уточняла соотносимые друг с другом замыслы. В частности, работа над незавершенными прозаическими произведениями представляла Пушкину новые возможности в разворачивании сюжета, характеристике образов и ситуаций, либо вытекающих из «Евгения Онегина», либо существенно изменяющих и дополняющих его решения, что, по-видимому, оказывало воздействие на кристаллизацию замысла последних глав романа. С другой стороны, художественный опыт «Евгения Онегина» был необходим и для того, чтобы разрешить в пределах прозаического произведения задачи, только пробивавшие себе путь в стихотворном повествовании. Определение генезиса замыслов прозаических произведений Пушкина рубежа 1830-х годов и их положения на периферии «Евгения Онегина» важно для исследования путей формирования художественной прозы Пушкина в соотношении и взаимодействии с его поэзией.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ПРОБЛЕМЫ
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
1975